

Петр Аркадьевич Столыпин

Вступление

Перед вами лежит любопытная книга, связанная с загадкой пропавшего последнего доклада П. Столыпина царю.

Известно, что при разборе бумаг в кабинетах П. Столыпина в Елагином дворце и в квартире на Фонтанке 13 сентября 1911 г. было найдено множество служебных бумаг (докладных, записок, писем). Например, там были документы о губернском и уездном управлении, опыте местного управления за границей, профсоюзах, неприкосновенности личности. Там также были три тетради документов, добытых агентурным путем, ряд бумаг о сенатских ревизиях, финансах и банках, бюджетных доходах за 1911–1920 гг. Служебные бумаги переслали по принадлежности в ведомства, а личную переписку передали родственникам премьер-министра – А.А. Столыпину и А.Б. Нейдгардту. Судя по всему, ничего примечательного при этом найдено не было.

Другое дело – осмотр кабинета Петра Аркадьевича в литовском имении. При разборе бумаг в сентябре 1911 г. в Колноберже помимо официальных лиц присутствовал муж дочери премьера Б.И. Бок, и он ознакомился с частью документов. Наиболее интересной оказалась незаконченная работа о будущем политическом устройстве России. Б.И. Бок не читал полностью этот проект, так как ему в голову не могло прийти, что он исчезнет. Описи служебных документов из Колноберже в архивах нет.

Единственное, что запомнил Б.И. Бок: П. Столыпин писал в проекте в частности о том, что он принял Россию в анархически-хаотическом состоянии и поэтому единственным возможным было вначале *«захватить ее в кулак»*. И, проведя земельную реформу, долженствующую уничтожить опаснейшую для России партию социалистов-революционеров, начать *«постепенно разжимать кулак»*. Это практически все, что мы знаем о данном эпизоде из мемуаров дочери Петра Аркадьевича Марии, опубликованных в 1953 г.

В письме А.В. Зеньковскому от 24 июня 1953 г. Б.И. Бок писал, что помнит также упоминания о введении земства в

Северо-Западном крае и о будущей автономии Польши (что само по себе было почти революционным).

23 мая 1953 г. в письме А.В. Зеньковскому Б.И. Бок пишет, что при первой же встрече с новым министром внутренних дел А.А. Макаровым осенью 1911 г. он рассказал о работе Петра Аркадьевича и тот был заинтересован, обещал разыскать доклад, но ничего не нашел. Потом министром внутренних дел назначили Н.А. Маклакова, который тоже расспрашивал Б.И. Бока о плане П. Столыпина и позднее рассказал о неудачных попытках найти его.

Известно также, что 4 октября 1911 г. В.Н. Коковцов в Ливадии лично докладывал Николаю II по поводу бумаг П.А. Столыпина. Он упоминал важные записки по государственному управлению и просил оставить их в канцелярии Совета министров. Что-то серьезное могло быть и среди них.

Есть и одно косвенное подтверждение возможности пропажи важных государственных документов. Речь идет об истории исчезновения среди документов П.А. Столыпина секретного ключа Военного министерства, использовавшегося для кодирования переписки. В марте 1912 г. Министерство финансов официально уведомило, что никакого ключа не получало, а до этого считалось, что ключ был передан туда. Могло пропасть и что-то другое.

Любопытную версию приводит в своих воспоминаниях товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский. Он говорит о своем проекте изменений в государственном управлении, который попал к Столыпину, и утверждает: «*Подлинный Всеподданнейший доклад по этому предмету оставался у Столыпина и был вероятно отвезен им, как и многие другие документы секретного свойства, для хранения в личный архив (в Колнобергах, его Ковенском имении), последний же после занятия этой местности немцами был увезен в Берлин и, как сообщали тамошние газеты, передан, по распоряжению императора Вильгельма, профессору Шиманну¹, известному специалисту по истории России².*

¹ Шиманн Теодор (Schiemann Theodor) (1847-1921) – немецкий профессор, известный специалист по России. Если ему и впрямь передали бумаги Столыпина, то скорая смерть могла помешать их анализу и обнародованию.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. – Берлин, 1938, с. 132.

Это важное свидетельство, так как видный чиновник, ранее лично присутствовавший при разборе бумаг П.А. Столыпина, утверждал, что в Колноберже были важные документы, попавшие в немецкие архивы. К сожалению, мы ничего не знаем о судьбе этих бумаг в Германии.

С другой стороны, А.Ф. Мейендорф (кузен Петра Аркадьевича), работая над биографией П.А. Столыпина, которую, к сожалению, не завершил, также интересовался информацией об архиве в Колноберже и адресовал этот вопрос О.Б. Столыпиной. Однако в письме жене барона А.Ф. Мейендорфа от 7 декабря 1939 г. Ольга Борисовна пишет, что никакого архива в Колноберже никогда не было. Где истина – разобраться сегодня сложно.

В 1956 г. в Нью-Йорке вышла из печати книга А.В. Зеньковского «Правда о Столыпине», которая в 1986 г. появилась и в английском переводе. Эту книгу я теперь и представляю читателям в полном и первоначальном варианте.

В ней говорится о том, что в мае 1911 г. в Колноберже П. Столыпин четыре дня диктовал ему свои планы на будущее, которые он должен был осенью представить императору. В книге приводится подробное описание этих планов и разговоров со Столыпиным. С тех пор идет дискуссия о подлинности воспоминаний А.В. Зеньковского и о плане П. Столыпина.

Я решил познакомиться с данным вопросом и заказал копии рукописи А.В. Зеньковского, которые находятся в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Оказалось, что рукописей несколько, и есть, по крайней мере, два дополнения к воспоминаниям, которые никогда полностью не публиковались.

Из этого источника становится более понятной роль самого А.В. Зеньковского, проясняются его происхождение, возможность встречи с премьер-министром (с легкой руки начальника Киевского земства графа П.Н. Игнатьева). Все это выглядит убедительно, а сам А.В. Зеньковский (1878-1966) предстает достаточно образованным и эрудированным человеком, крупным финансистом, а не просто незначительным провинциальным бухгалтером, как любили говорить советские историки.

Началось все с вопроса об увеличении бюджета Киевского земства. А.В. Зеньковский разрабатывал этот проект для Игнатьева и, в частности, предложил увеличить обложение имущества на 65 %. По действовавшему тогда закону обложение нельзя было повышать больше, чем на 3 % в год. Поэтому Госсовет сначала отказал Киевским властям в утверждении бюджета и отступил только после протестов Игнатьева. На следующий год киевляне увеличили свой бюджет еще на 70 % и такой рост доходов стал широко известен в правящих кругах Санкт-Петербурга. В частности, им заинтересовался Петр Столыпин.

Граф Игнатьев рассказывал о своем опыте П. Столыпину в апреле 1906 г. и предложил прислать к нему специалиста для разъяснения подробностей. Этим экспертом и был А.В. Зеньковский, который встретился с Петром Аркадьевичем в мае 1906 г. Видимо, он произвел хорошее впечатление на Столыпина и тот попросил писать ему напрямую доклады по поводу посещения земств в разных регионах и заходить в министерство по приезде в Санкт-Петербург. Он сказал, что сделает распоряжение канцелярии, чтобы Зеньковскому назначали такие встречи. Кроме того, П. Столыпин вроде бы дал негласное указание по Министерству внутренних дел не препятствовать росту бюджетов земств.

В принципе, использование для таких целей доверенного человека «со стороны» не представляет собой чего-либо сверхъестественного. Например, можно вспомнить мелкого чиновника А. Клопова, получившего право писать непосредственно Николаю II. Такие случаи в высшей власти всегда были и будут.

Любопытны заметки А.В. Зеньковского об отношении Столыпина к вопросу о сухом законе. П. Столыпину писало множество людей с просьбой закрыть винные лавки и ввести сухой закон. Эта идея тогда пользовалась широкой поддержкой в обществе. Он попросил А.В. Зеньковского проанализировать этот вопрос, и в результате в Киевском земстве его детально обсуждали в течение двух дней. Общий вывод заключался в том, что сухой закон приведет лишь к росту самогоноварения и отравлениям.

Выслушав доклад, П. Столыпин согласился, добавив, что таково и его мнение. Он считал, что надо поднимать акцизы для ограничения пьянства, а не административно запрещать пьянство, и решил не поднимать вопрос о сухом законе перед царем. Вместе с тем мы имеем множество свидетельств тому, что Петр Аркадьевич всегда симпатизировал борьбе с пьянством.

У А.В. Зеньковского, судя по всему, было несколько встреч с Петром Аркадьевичем. В мае 1911 г. Столыпин в Колноберже четыре дня диктовал ему свои проекты государственных преобразований, которые предназначались для Николая II. Предполагалось, что А.В. Зеньковский в течение лета переработает надиктованные материалы и в конце августа – начале сентября представит результаты.

В Киеве во время торжеств А.В. Зеньковский доложил Столыпину об исполнении поручения. П. Столыпин был доволен и просил Зеньковского приехать в Санкт-Петербург во второй половине сентября, чтобы окончательно доработать доклад для его представления царю осенью. Доклад, по словам А.В. Зеньковского, должен был состоять из двух частей: конкретных проблем по отдельным министерствам в сопоставлении с другими странами и предлагаемых реформ.

Зеньковский дал Петру Столыпину честное слово держать данный проект в секрете и до 1950-х гг. никому (ни детям, ни жене, ни брату) ничего о нем не рассказывал, хотя и беседовал с сыном о встречах со Столыпиным. И только в 1951 г., после смерти первой жены, он решил написать воспоминания. Подлинные записи он долго хранил, но после вступления в Киев в январе 1918 г. большевиков, опасаясь обысков, сжег. Восстанавливать все пришлось по памяти.

П. Столыпин якобы просил не передавать доклада В.Н. Коковцову в случае своей смерти, так как не видел в нем искреннего сторонника своих реформ. А.В. Зеньковский говорит, что не считал В.Н. Коковцова и тем более И.Л. Горемыкина истинными продолжателями дела П. Столыпина (вполне обоснованно) и даже не пытался передавать им свои записи.

Любопытно также следующее: А.В. Зеньковский рассказывает, что, по словам П. Столыпина, многое из доклада уже обсуждалось с царем и получило его принципиальное одоб-

рение. Кроме того, А.В. Зеньковский писал: «*В заключение П.А. Столыпин сказал мне, что если когда-либо в будущем его коллеги по Совету Министров или члены Законодательных Учреждений ознакомятся с его проектом преобразования государственного управления России, то может быть будут удивлены тем, что многое, что он излагает в своем докладе Государю, не во всем согласуется с тем, что он высказывал в Совете Министров или же с трибуны Законодательных Учреждений. Это объясняется тем, продолжал Столыпин, что чем больше он находится у власти, тем больше он имел возможность наблюдать недостатки в системе государственного управления России и тем чаще менялись его взгляды на то или иное положение. Мысли его всегда были направлены на то, как найти более правильные и лучшие пути к сохранению в России монархического строя в целях укрепления ее могущества и к улучшению духовного, культурного и экономического положения всех народов, населяющих Русскую Империю, независимо от национальности и вероисповедания».*

Советский историк А.Я. Аврех пытался доказать, что А.В. Зеньковский не только не записывал планов П. Столыпина, но и знать его лично не мог, так как был слишком мелкой пешкой. Речь, по его мнению, идет о заурядной мистификации. Некоторые наши историки (например, И.И. Чубисова) серьезно утверждают, что Аврех доказал, что Зеньковский фальсифицировал свои записки!¹ Такие утверждения смехотворны, а аргументы Авреха не впечатляют:

1. Он связывал появление «воспоминаний» А.В. Зеньковского с появлением в 1953 г. мемуаров дочери П. Столыпина Марии. Однако эти мемуары появились впервые еще в 1935 г. и русской эмиграции были хорошо знакомы по публикациям журнала «Возрождение».

2. А.Я. Аврех не нашел упоминаний об А.В. Зеньковском в дореволюционном справочнике «Весь Киев» и на этом основании говорит о ничтожности его служебного положения. На деле, в рукописи, которой А.Я. Аврех видеть не мог, А.В. Зеньковский подробно пишет о своей работе как в Ки-

¹ Государственная деятельность П.А. Столыпина. Сборник статей. – М., 1994, с. 179.

евском земстве, так и до того (в Акционерном обществе поощрения земледелия и сельской промышленности, созданном в 1895 г. крупными землевладельцами). Он поясняет обстоятельства знакомства со Столыпиным через своего начальника графа П.Н. Игнатьева. Кроме того, известно, что Зеньковский преподавал финансы как в Киеве, так и потом в эмиграции (после 1920 г.) в Берлине и Праге, публиковал книги по вопросам финансов и земства.

3. Никто не подтверждает факта встреч А.В. Зеньковского с П. Столыпиным. Это более серьезно, но недоказуемо, так как к моменту появления воспоминаний А.В. Зеньковского не было в живых сотрудников П. Столыпина, умерла Ольга Борисовна и никто не мог свидетельствовать о событиях 40-летней давности. Мария и Борис Боки в 1911 г. жили отдельно и не могли знать обо всех посетителях Петра Аркадьевича. А младшие дети вряд ли обращали внимание на встречи отца (старшей Наталье было лишь 20, а Аркадию всего 8 лет в год смерти Столыпина). Тем более что встречи могли происходить в министерстве, а семья жила в Колноберже и на Елагином острове.

4. А.Я. Аврех «уличает» А.В. Зеньковского во лжи на том основании, что Киевского земства не могло быть до 1911 г., когда впервые были проведены земские выборы. При этом он «забыл», что в Западных и Юго-Западных губерниях земство существовало на основании Указа от 2 апреля 1903 г., но гласные были не выборными, а назначались и числились по Министерству внутренних дел. В частности, граф П.Н. Игнатьев стал начальником Киевского земства путем назначения (до этого он был уездным предводителем дворянства). В «несуществующем» Киевском губернском земстве было более тысячи служащих!

Более существенным вопросом является место и время предполагаемой встречи Столыпина с А.В. Зеньковским, которая, по его утверждению, произошла в мае 1911 г. в Колноберже. Однако в книге воспоминаний В.Н. Коковцова говорится, что П. Столыпин отправился в Колноберже только в начале июня. Правда, документально не подтверждается ни одна из версий.

Я задаю себе вопрос: зачем А.В. Зеньковскому фальсифицировать историю на старости лет (ему было около 78)?

Денег на этом заработать не представлялось возможным: данный вопрос интересовал только эмигрантов и историков. Тема также была не актуальна в разгар холодной войны между СССР и Западом. А непосредственно после революции А.В. Зеньковскому было не до воспоминаний, ему надо было выжить в условиях эмиграции.

Конечно, воспоминания через десятки лет не могут обладать точностью документа, возможны искажения, навеянные последующими событиями. Честное слово, данное А.В. Зеньковским П. Столыпину, выдерживалось, сколько было можно. Скорее всего, смерть жены и приближение собственного конца подвигли его попытаться рассказать миру о планах Столыпина. Я не сомневаюсь, что П. Столыпин пытался записывать свои мысли о планах на будущее, особенно после изнурительной борьбы за Западное земство. Естественно, не все факты в воспоминаниях могут быть верными: пожилой Зеньковский мог не помнить конкретные даты и детали.

Косвенным подтверждением существования проекта является рассказ Б.И. Бока о загадочном документе из Колноберже. Он мог видеть один из черновиков записей плана, который А.В. Зеньковский передал Столыпину. Кроме того, Зеньковский знал, что существовал черновик доклада, написанный лично П. Столыпиным (с него он диктовал), и думал, что проект был доложен царю. Фактически только в 1953 г. от Б.И. Бока он узнал о загадочной пропаже этого документа.

Поэтому я склонен верить в существование какого-то плана будущих реформ П. Столыпина, хотя версия А.В. Зеньковского не обязательно передает его абсолютно точно.

В любом случае предлагаемая вашему вниманию книга заслуживает серьезного внимания.

Б.Г.Федоров

Доктор экономических наук

Tragically, the last great statesman of the Russian Empire, Prime Minister Stolypin, has to long remained an enigma for all those who are interested in history of modern Russia. Many of Stolypin's actions were subjected to extreme judgments at the time, and, being a man of action rather than words, much of his thought has remained unknown even to close students of Russian history.

Professor Alexander Zenkovsky has placed all students of Russian affairs in great debt to him. Because of his close association with Stolypin, and the many contributions which he made to helping Stolypin clarify his program to the form and modernization of Russia, he is in a unique position to provide new and exciting testimony concerning Stolypin's plans. This new study furnishes indispensable clarification of Stolypin's program for the reconstruction of Russian rural life, for the development of self government, for his attitudes towards the political parties and, finally, for his very interesting views on the need for averting the World War of 1914 and for cooperation with the United States. The fruit of many years of research, as well as of his personal experience, Professor Zenkovsky's book will be read with keen interest by everyone who wants to understand the history of Russia in the 20th century.

Philip E. Moseley
Adjunct Professor of
International Relations
The Russian Institute
Columbia University